

Rubcova, Natal'ja Sergejevna

Современная русская литература для детей в поиске своего героя

Новая русистика. 2014, vol. 7, iss. 1, pp. [35]-51

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130227>

Access Date: 18. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Наталья Сергеевна РУБЦОВА
(Дзержинск)

Современная русская литература для детей в поиске своего героя

Contemporary Russian Children's Literature: a Search for Its Hero

This article dwells upon the issue of heroic in children's literature of science fiction and fantasy genres. The author compares specific traits of positive characters in literary works of three representatives of contemporary Russian literature of these genres – Vladislav Krapivin, Tatiana Levanova and Tamara Kryukova. Krapivin's characters are "absolute" or "ideal" type of characters, while characters of Levanova and Kryukova can rather be called "heroes of our time". Both the types cause controversial perception by literary critics and readers.

Key words: children's literature; perception; character; heroism; moral and ethic values; teenager

Детская художественная литература занимает особое место в общем литературном процессе. Существует мнение, что написать книгу для детей, так же как и успешный фантастический роман, – весьма несложная задача. И только те авторы, цель которых – постичь детское мировосприятие и помочь ребенку изучить еще не известную ему окружающую реальность, понимают, насколько ошибочно и элемен-

тарно такое утверждение. В действительности диалог с ребенком посредством художественного творчества – это огромная ответственность, которую детские авторы возлагают на себя сознательно или бессознательно.

Наверное, ни в какой другой области литературного творчества воспитательная функция не приобретает столь большого значения, как в детской литературе. Или, быть может, справедливее прозвучит «должна была бы» приобрести – ибо далеко не всегда, как показывает сегодняшнее состояние в этой сфере литературы, авторы книг для детей ставят перед собой такую задачу. А она поистине сложна: обращаясь к детям, необходимо расставить ориентиры, маяки, рискуя заслужить обвинения в морализаторстве или даже авторитарности. Так что для того, чтобы писать для детей, нужно обладать определенной решимостью.

Конечно, здесь нужно затронуть довольно сложную проблему разграничения литературы для детей и литературы о детях. Узловые точки в решении этой проблемы наметил современный российский детский писатель-фантаст Д. А. Емец в работе *Произведения для детей и о детях в творчестве русских писателей второй половины XIX века*. Итак, согласно его анализу, корень вопроса – в правильном определении адресата. Если литература для детей ориентирована на адресата-ребенка, то для литературы о детях, разумеется, адресатом является не только и не столько ребенок, сколько взрослый. Совершенно справедливым кажется вывод, который делает Емец: «Литература для детей, в отличие от литературы о детях, вбирает в себя еще ряд достаточно серьезных нравственных, этических и социальных ограничителей»¹.

Думается, что в любом художественном произведении, адресованном читателю-ребенку, наряду с фабулой и сюжетом, одним из важнейших уровней является система персонажей. Именно она может исподволь способствовать тому внутреннему процессу воспитания и самовоспитания, который проистекает в юном читателе в момент прочтения художественного текста. С ее помощью автор может

1 Емец, Д. А.: *Произведения для детей и о детях в творчестве русских писателей второй половины XIX века*. Москва 2001, с. 3.

наметить те самые ориентиры, которые помогли бы ребенку-читателю сложить свой опыт, – не только опыт восприятия литературного текста, но и опыт жизненный.

Главный герой становится стержнем, средоточием; именно на нем в первую очередь сконцентрировано внимание ребенка. Вполне естественно, что чаще всего главными героями произведений для детей являются сами дети. Эти герои, появляющиеся на страницах детских книг, в какой-то степени являются зеркальным отражением сегодняшнего общества. В связи с этим стоит вспомнить очень точное замечание психолога В. П. Зинченко: «Задумавшись о своем детстве, вспомнив его, каждый придет к простому заключению, что детство есть самоценная жизнь, а вовсе не подготовка к ней. Не нужно большого ума, чтобы понять – каково детство, таково и общество. Справедливо и обратное – каково общество, таково и детство»².

А художественная литература как «своеобразная модель жизни» воспроизводит этот сложнейший «процесс... эволюции, движения во всех ипостасях, обнаруживающихся в духовном, интеллектуальном мире личности»³. Мы, в сущности, сами закладываем основу для своего будущего, предлагая детям образы тех, кого они должны считать своими героями. Таким образом, выстраивая образ главного героя в литературном произведении для детей, крайне важно сохранить в нем здоровый корень – единство моральных, этических и социальных ценностей.

Итак, становится очевидно, как широки границы данной проблемы – проблемы поиска подлинного героя в художественном мире детского произведения: она перестает быть чисто литературоведческой и оказывается взаимосвязанной и с психологией, и с социологией, и с культурным контекстом.

Вопросы, которые действительно представляются актуальными не только в литературоведческой, но и в общечеловеческой перспективе,

2 Зинченко, В. П.: *Детство – ценность, а не объект проектирования или воспитания*. I Международная научно-практическая конференция «Единое поле культуры как новая парадигма образования». Дзержинский, 2004.

3 Кременцов, Л. П.: *Теория литературы. Чтение как творчество*. Москва 2003.

звучат следующим образом: каким должен быть положительный герой современной детской литературы? Каков тот герой-сверстник, с которым соотносят себя сегодняшние читатели-дети? Куда направляет детскую фантазию литература, когда рождает те или иные образы?

Остановимся здесь на специфике отдельных положительных героев в современной русской литературе для детей (вторая половина 20-го – начало 21-го вв.), относящейся к фантастике и к так называемому жанру фэнтези⁴. Современная ситуация в русской читательской среде явственно показывает, что именно фантастика и фэнтези находятся сегодня на пике популярности и, следовательно, часто публикуются, причем в равной степени для детской и для взрослой аудитории. Уже само происхождение термина от английского слова *fantasy* (*фантазия*) во многом объясняет причины этой любви к такой литературе: Карл Густав Юнг называл фантазию «выходом творческой активности духа»⁵. Не вызывает удивления, что наша современность, тесно связанная с постмодернистским типом мышления, с его поисками «альтернативного», «внерассудочного» решения для каждой из столь многочисленных злободневных проблем, пытается построить (или отыскать в привычном для нас мире) некую параллельную реальность. Думается, что нашему веку это поистине необходимо – искать скрытые взаимосвязи и видеть поверх зримой, очевидной реальности. Ошибочно было бы видеть в фантастике и фэнтези только бегство от действительности: напротив, это видоизменение образа действительности, а значит, позиция активная и творческая. В еще большей степени эти качества свойственны ребенку. Сегодняшняя любовь юных читателей

[38]

4 Вполне действенным кажется следующее определение: «Фэнтези – это своеобразное сращение сказки, фантастики и приключенческого романа в единую («параллельную», «вторичную») художественную реальность с тенденцией к воссозданию, переосмыслению мифического архетипа и формированию нового мира в ее границах». *Русская фантастика XX века в именах и лицах: Справочник*. Под ред. М. И. Мещеряковой. Москва 1998, с. 12.

5 Юнг, К. Г.: *Словарь терминов. Национальная психологическая онлайн энциклопедия*. [www: http://vocabulary.ru/dictionary/39](http://vocabulary.ru/dictionary/39). Дата последнего посещения 27. 11. 2013.

к фантастическому: к сказке, к мифам и легендам и, в особенности, к фэнтези – тому подтверждение.

Итак, первый тип положительного героя в этой области литературы, который заслуживает внимания, создает и развивает в своем творчестве современный русский писатель Владислав Крапивин⁶.

Крапивин – автор прозы для детей чаще всего с фантастическим или фэнтезийным сюжетом, хотя его перу принадлежат и реалистические произведения. Свое представление о связи пространства и времени он выразил в крупных циклах повестей: *В глубине Великого Кристалла* и *Сказки и были Безлюдных пространств*⁷. Вселенная у Крапивина – Кристалл, каждая грань которого – отдельный мир; и человек может свободно перемещаться по всем граням-плоскостям Кристалла. Миры различны – и в то же время до боли похожи: везде есть и добро, и зло, и подвиг, и подлость, и дружба, и предательство. Одним словом, во всех мирах Кристалла нужны те, кто сможет бороться за неподдельную справедливость, – нужны герои.

И, конечно, не случайно такая способность естественным образом, без каких-либо технических средств наподобие космического корабля, посещать параллельные миры есть именно у детей – главных героев произведений Крапивина. Автор называет их «койво» или «Пограничниками». В книге *Застава на Якорном поле* это мальчик Ежики, в *Крике петуха* – Филипп Кукушкин и Витька Мохов, в *Белом шарике матроса Вильсона* – мальчишки Стасик и Яшка.

[39]

6 Владислав Крапивин (1938 г. р.) родился в Тюмени, в семье учителей. Окончил Уральский государственный университет им. А. М. Горького, факультет журналистики. Некоторое время работал в газетах «Вечерний Свердловск», «Уральский Следопыт», а позже полностью посвятил себя писательскому труду. Первая книга Крапивина была написана в 1962 г. (*Рейс «Ориона»*). На сегодняшний день опубликовано более 200 изданий крапивинских произведений, переведенных на многие иностранные языки. Более подробную информацию можно найти на сайте Владислава Крапивина в Интернете. www: <http://www.rusf.ru/vk/>. Дата последнего посещения 12. 11. 2013.

7 Крапивин, В. П.: *Собрание сочинений в 30 тт.* Москва 2000–2001.

Мир детей изображается Крапивиним максимально поэтично, в традициях неоромантизма: герои, способные увидеть величественное, возвышенное в обыденной реальности, поставлены в исключительные обстоятельства. Они вынуждены противостоять жестокой реальности и далеко не всегда сразу находят родственную душу. Впрочем, М. И. Мещерякова определяет крапивинскую прозу скорее как «неомифологизм»: «Новый миф почти не связан с древним, он не воссоздается, а создается заново [...] Но и в том, и в другом случае очевидна этологическая функция мифа и его нормативное значение: миф – это то, во что человек должен поверить безусловно и безоговорочно, отождествив себя с тем, во что верит»⁸. Кажется, что в известной мере справедливы оба мнения: Крапивин и создает новые мифологемы, и поднимает обыденность до уровня возвышенного, максимально усиливая героику. Существенно при этом следующее: проза Крапивина способна вызвать активный *душевный отклик* со стороны читательской аудитории.

[40]

Образ «взрослого» у Крапивина зачастую становится антиподом образа «ребенка», однако только в случае, если герой-взрослый теряет то, что заложено в детской душе: чистоту, искренность, благородство и готовность к подвигу. Есть и те взрослые персонажи, в которых жив дух детства и которые готовы охранять и возвращать маленького героя, – это так называемые Хранители-Командоры.

Некоторые исследователи не без основания называют крапивинских героев «идеальными»: у Крапивина даже недостатки в детях выглядят наивными, смешными, «простительными». Скажем, герой, готовый отдать жизнь ради друга, позволяет себе испугаться обычной прививки. Но далеко не все критики считают это достоинством авторского стиля Крапивина; есть и те, кто негативно оценивает эту особенность героев-детей в его прозе.

⁸ Мещерякова, М. И.: *Неомифологическая проза в кругу детского и юношеского чтения*. www: <http://www.rusf.ru/litved/fant/me2.htm>. Дата последнего посещения 27. 11. 2013.

Особенно жестко и подчас едко отзывался о Крапивине Роман Арбитман⁹. Ему буквально не давала покоя призма крапивинского «зрения». Неоднократно Арбитман вызывал Крапивина на словесный поединок и требовал ответа. Крапивин реагировал. Так состоялась одна из интересных писательских дискуссий¹⁰. Полемика Арбитмана и Крапивина имеет ключевое значение для решения обозначенной в данной статье проблемы, и поэтому стоит кратко осветить несколько наиболее существенных ее моментов.

Итак, Роман Арбитман адресовал Крапивину свою статью с показательным названием *Слезинка замученного взрослого*¹¹. В ней критик развенчивает практически всю идейно-ценностную систему писателя, утверждая при этом, что Крапивин «уже давным-давно пишет одну-единственную вещь, где сюжет и основной конфликт уже отполированы до матового блеска из-за многократного употребления, а добро и зло четко персонифицированы и заранее (чтобы не осталось никаких сомнений) разведены по полюсам».

Арбитман видит неприемлемую схематичность в том, что благородные и готовые к самопожертвованию «тинейджеры» противополо-

[41]

9 Роман Арбитман (1962 г. р.) – литературный обозреватель, критик. Литературно-критические работы публиковал в «Литгазете», «Книжном обозрении», «Сегодня», «Новом мире», и т. д. Арбитману принадлежат три сборника статей – *Живем только дважды* (1991), *Участь Кассандры* (1993) и *Поединок крысы с мечтой* (2007). Под псевдонимом доктор Р. С. Кац вышли книга *История советской фантастики* в жанре «альтернативного литературоведения» (1993) и брошюра *Взгляд на современную русскую литературу* (2008); под псевдонимом Лев Гурский Арбитман выпустил серию детективных романов, а также сборник статей и малой прозы. Член Союза российских писателей, член Академии современной российской словесности, лауреат премий «Интерпресскон», «Бронзовая улитка» и «Странник».

10 Главные статьи, в которых содержится суть критики Арбитмана и отклика Крапивина, были напечатаны в номере художественно-публицистического альманаха *Та сторона* (Выпуск 8, декабрь, 1995, Новосибирск–Москва–Екатеринбург). Издание доступно по адресу в Интернете. www: <http://rusf.ru/tc/index.htm>. Дата последнего посещения 27. 11. 2013.

11 Цит. по электронному изданию. www: <http://rusf.ru/tc/index.htm>. Дата последнего посещения 17. 11. 2013.

ставляются «хитрым и своекорыстным монстрам» – взрослым. Сам же он далеко не уверен в такой интерпретации крапивинских образов. Лично он усматривает в них «пионерскую» экзальтацию всех этих «мальчиков со шпагами», этаких ясноглазых буршей, уверенных непоколебимо, что «добро должно быть с кулаками». Здесь Арбитман ссылается на другого литературного критика, Андрея Энтелиса, обозначившего жанр, в котором работает Крапивин, «пионерско-готическим романом». Сам же Арбитман сравнивает крапивинское творчество со схемами 30-х и 40-х гг., когда положительным героем детской литературы был «сверхмальчик, выигрывающий поединок со взрослыми-предателями».

Справедливости ради Роман Арбитман признает в Крапивине талант, умение создавать увлекательные фантастические ситуации, яркие образы – пусть даже схематичные. Но Крапивин, с его точки зрения, слеп и не замечает очевидного: того, что «пионерский» энтузиазм давно архаичен, что реальный сегодняшний подросток уже ничем не напоминает холодновато-безупречного «мальчика со шпагой», а извечная тяга к справедливости, свойственная молодому поколению, потихоньку используется разного рода «гуру» возрастом постарше». Вот в чем заключается серьезнейший промах Крапивина. Крапивинские мальчики неактуальны, анахроничны и в этом смысле даже вредны, так как не соответствуют действительности. А это значит, они никак не могут получить отклик нынешних детей и поддержать их.

Как уже было сказано выше, Крапивин не остался равнодушен к критике Романа Арбитмана. Свой ответ – обстоятельный, исчерпывающий – он сформулировал в статье *Пионерско-готический роман, тинейджеры и повторы (О критике г-на Р. Арбитмана)*¹². Заметим, что само специфическое определение жанра у Крапивина не вызвало особых негативных реакций и показалось ему «даже остроумным, не лишенным определенной наблюдательности и вполне пригодным для «фэновских» тусовок». А вот само существо статьи Арбитмана требовало возражений.

12 Цит. по электронному изданию. [www: http://rusf.ru/tc/index.htm](http://rusf.ru/tc/index.htm). Дата последнего посещения 17. 11. 2013.

Прежде всего, Крапивин в этой статье объясняет единство темы во всех своих произведениях: «Тема и в тех, и в других (в этом г-н Арбитман прав) – одна. Это – положение детей в нынешнем беспокойном, жестоком, неприспособленном для нормального детства мире. Это ответственность (а чаще безответственность) взрослых за детей. Это – право ребенка на свою жизнь, в которой есть дом, семья, друзья, радости, безопасность – право, которое, увы, далеко не всегда осуществляется. Тема эта, к сожалению, не стареет, лишь обостряется [...] Это моя тема. И если это значит, что „Крапивин пишет все одну и ту же вещь“, то и слава Богу».

Не прав Арбитман и в том, что у Крапивина работает аксиома: дети изначально идеальны (Крапивин приводит обратный пример: мальчишки-уголовники, негодяй Пальчик, Стаська, способный предать и т. п.), а взрослые – исключительно отрицательные персонажи (есть и Корнелий Глас, и хозяин таверны Кир, и капитан Красс, и Биркенштакк).

Но больше всего Крапивина волнует именно трактовка Арбитманом положительных образов главных героев в ее этическом значении для настоящих («живых», по выражению писателя) ребят. Поэтому писатель крайне не согласен с наименованием «тинейджеры», которое Арбитман выбирает для героев его книг. Сам Крапивин дает гораздо более точное определение: тинейджеры и его герои – это как раз антиподы; тинейджер как «порождение нескольких последних лет, нашего равнодушного к детям времени» связан с безразличием к кодексу чести и этическим нормам, с торгашеством на всех уровнях жизни, с элементарностью мышления и восприятия прекрасного. Крапивин же пишет не для них, а для «обычных мальчишек и девчонок, для которых «пионерская экзальтация» (то есть нормальные человеческие отношения: бескорыстная дружба, верность слову, стремление защитить слабого, вступить за правду – а отнюдь не пропаганда большевистских лозунгов), вопреки утверждению критика, не стала архаикой». А они, по глубокому убеждению писателя, существуют и по сей день. И именно ради них писатель «не может удержаться от «обескураживающих повторов»: сама жизнь диктует их.

Необходимо подчеркнуть интересную особенность рецепции произведений Крапивина в кругу русских читателей: как детей, так и взрослых. Творческий и моральный импульс, заданный книгами писателя, был столь сильным, что нашел продолжение во внетекстовой реальности, т. е. в самой жизни. Еще в 1961 году Владислав Крапивин создал уникальный детский коллектив – отряд «Каравелла». Отряд занимается морским делом, фехтованием, журналистикой. Официальное определение «Каравеллы» таково: это **пресс-центр и парусная флотилия**. Профиль отряда – журналистика, морское дело, фехтование. Более тридцати лет отрядом руководил сам писатель, а затем его сменили выпускники отряда¹³.

Так что Крапивин вполне обоснованно заявлял: «Мальчики со шпагами, как они описаны в неприемлемых для Р. Арбитмана книгах – независимо от того, фантастика это или нет – были совершенно реальными личностями». Это так, причем все эти примеры воплощения крапивинских мыслей существовали не только в советской действительности, в контексте воспитания в детях социализированного оптимизма, где для них была создана благодатная почва – пионерия. Нет, и в современной российской среде они до сих пор востребованы, а герои Владислава Крапивина все так же любимы.

Однако детская фэнтези-литература не менее активно развивается и в совершенно ином направлении. И в нем положительные герои, вероятно, намного больше соответствовали бы требованиям, которые Роман Арбитман предъявляет к герою произведения для детей. Это, по сути, большинство книг, формирующих сегодня мейнстрим в жанре фэнтези и фантастики для детей и подростков. Чтобы составить представление об их положительном герое, приведем в пример две книги.

Первая из них – *Сквозняки. Первая миссия* (2005) – входит в популярный среди подростков цикл сказочных повестей «Сквозняки», автор

13 См. сайт отряда «Каравелла» в Интернете. [www: http://www.carabela.ru/](http://www.carabela.ru/).
Дата последнего посещения 17. 11. 2013.

которого – Татьяна Леванова¹⁴. Центральная героиня цикла – обычная школьница, наша современница Маша Некрасова. Неожиданно она обнаруживает в себе способность к путешествию в другие миры, где она должна выполнить определенную миссию, – например, спасти обитателей параллельного мира от жестокого диктатора. В этом смысле судьбы героев Крапивина и Левановой схожи.

Но обратим внимание на то, как Татьяна Леванова выстраивает образ своей главной героини. Портретные характеристики Маши в различных сюжетных ситуациях изобилуют деталями, которые связаны с мировосприятием типичных современных подростков. Актуальные для них реалии автор то и дело включает и непосредственно в сюжет. Приведем несколько примеров:

В общем, Маша всегда радовалась осени. Единственное, что ей портило сезонное настроение, это покупка одежды для школы [...] Ей нравилось ходить в солнцезащитных очках, бандане и джинсах, что бы там ни считали Светка Новоруссова, классная руководительница Марина Константиновна, по прозвищу Скотиновна, и мама.¹⁵

– Я помню. Но Светка Новоруссова опять спросит, от какого кутюрье я одета!

– Не заслужила ты одеваться от кутюр, мала еще! И вообще нет у меня таких денег! – рассердился папа

Кстати, именно эта глава, где описывается данная сцена, и открывает повесть и знакомит нас с героиней. Кроме самих «вещественных» деталей, точно передана и современная речевая ситуация.

Вообще же, все указанные примеры находятся в полном соответствии с нынешними общественными ценностями и «большими вопросами». Прежде всего, это самоутверждение в социуме, часто формируемое не за счет внутренних качеств, а за счет внешней атрибутики.

14 Автор – Татьяна Леванова (1977 г. р.). На данный момент в издательстве ЭКСМО вышли пять книг из цикла: *Первая миссия* (2005), *Повелитель иллюзий* (2006), *Ледяной рыцарь* (2007), *Аквамариновая звезда* (2009), *Ночные птицы Рогонды* (2011). К выходу готовится шестая книга – *Ткачи заклинаний*.

15 Цит. по изданию Леванова Т. С., Сквозняки. Первая миссия. Москва 2005.

Периодически возникает в повести и тема денег. И это не удивляет: достаточно оценить то значение, какое придается этой теме в самом обществе.

Вот одна из иллюстраций: шарлатан-балаганщик Фаринго хочет поделиться с Машей волшебным снадобьем, придающим силы. Маша съедает слишком много.

– Пользуешься тем, что руки заняты, не смог тебе дозу отмерить, – проворчал господин Фаринго, с сожалением глядя на крошки в руке Маши, – ну да ладно, ты гостья.

– Я не поняла, вам что, жалко?

– Знала бы ты, сколько это стоит...

[...]

Маша покосилась на небрежно рассыпанные по столу розовые кусочки.

– Да ладно, если бы это было очень дорого, он не стал бы так по нему колотить, – сказала она себе и принялась старательно жевать хрупкие розовые крошки

Еще один пример. Магистр Александр Нескучный, преподаватель в Академии для «сквозьпроходящих» («сквозняков»), раздумывает, зачислять ли в Академию и Машу:

– ...У Маши Некрасовой нет покровителей, которые бы внесли плату за обучение, а этого можно было бы избежать в случае отличной сдачи экзаменов. Боюсь, Маша Некрасова, вам будет отказано...

Героине, однако, удалось заработать целое состояние – она победила в опасном для жизни аттракционе, и это позволяет ей ответить Александру:

– Моя «пятерка», полагаю. А если нет, то плата за обучение, – хихикнула Маша и открыла чемодан.

Все это так похоже на сегодняшнюю реальность, словно в волшебный мир, мир фэнтези, автором были перенесены многие условия и законы нашей жизни. Сравним, к примеру, оценочное отношение к внешнему виду в обычной московской жизни (в нашей действительности) и в сказочном пространстве города Как-о-Дума:

Маша услышала, как ее обсуждает компания пестро разодетых девчонок за соседним столиком.

– А блузочка ничего, видать, монашки вышивали, – снисходительно заметила красивая, яркая девочка в пурпурном бархатном платье с синими полосами. У нее были удивительные волосы – красновато-рыжие с золотыми прядками.

– Сперла где-нибудь, – равнодушно предположила ее соседка с прямыми белыми волосами и узким лицом. – Юбочка-то балаганная, как у канатоходки.

Показателен и финальный эпизод повести. Маша с успехом выполнила свою миссию странника между мирами. Она наконец-то возвращается домой к родителям. Сцена встречи возвращает читателя к самому началу: Татьяна Леванова избирает для своей повести любимое многими писателями композиционное решение – кольцевую композицию.

Со всех ног она побежала навстречу родителям.

– Мама, папа!.. [...]

– Вы простите меня, я была такая вредная, убежала...

– Что на тебе надето? – строго спросил папа.

– А это мне в магазине поменяли, увидели, что вещи новые, и поменяли, – быстро соврала Маша и покраснела.

– Это что, натуральная кожа? – не поверила глазам мама.

– Да, но у сарафана изъян на подкладке, поэтому он недорогой, – зачастила Маша.

Но с психологической точки зрения гораздо важнее детали, характеризующие внутренний мир героини. Психологический портрет тоже словно списан с современного подростка – в общем-то, не только российского. Образ Маши выражает собой те мысли и душевные переживания, которые являются нормальными для большинства сегодняшних детей в возрасте героини¹⁶. Да, писатель подводит героиню к решению важной для нее моральной проблемы:

16 «– Нет, пожалуйста, нет! – закричала Маша, увидев, что убийца заметил ее и направился к ней. Он никуда не торопился. Он был уверен в победе. Его нож отливал в свете растений красным, словно уже был обогрен Машиной кровью.

«Автоматик бы сюда, – тоскливо подумала Маша, – или хоть баллончик газовый...»

Мудреного разоблачили, я свои ошибки осознала – дело не в одежде, не в том, что тебе хочется одеться круто. Дело в том, что ссориться с близкими по пустякам нельзя. Вдруг в следующий момент судьба разлучит вас навсегда, и ты потом все время будешь вспоминать вашу последнюю ссору и жалеть о ней...

Но характерно, как это выражено в книге: речь Маши полностью передает современную речь, причем не лучшие ее проявления: некую элементарность и отсутствие глубины в выражении мысли и чувства.

Вторым примером современного творчества для детей и подростков является фантастическая повесть Тамары Крюковой¹⁷ *Призрак сети*, вышедшая в свет совсем недавно, в 2012 году. Некий ученый, любитель аномальных явлений, делает редкий снимок – запечатлевает на цифровую камеру призрак из 13-го века. Вот так призрак попадает в сеть Интернет, а современный русский мальчик по имени Илья отправляется в прошлое. Вместо него в настоящее попадает его «двойник», мальчик по имени Илька Кречет. «Увидеть живого Александра Невского – круто! Но оказаться в сражении лицом к лицу со шведскими рыцарями – это уже не шуточки», – гласит аннотация к повести¹⁸. По сюжету Илье и его другу Сереге, который попал в прошлое вместе с ним, да еще и в виде говорящего волкодава, предстоит пройти через многие тяготы сурового военного времени на Руси, чтобы суметь вернуться домой.

■ Эта цитата, к сожалению, тоже является «лакмусовой бумажкой»; она появилась в повести не случайно: именно так мыслят сегодняшние дети, столь часто сталкивающиеся с жестокостью, насилием и преступностью.

17 Тамара Крюкова (1953 г. р.) пишет для читателей всех возрастов. Крюкова – член Союза Писателей России и обладатель множества наград (начиная с 2004 – ежегодных): она лауреат Международного театрального фестиваля «Счастливые дети», Международного общественного фонда «Русская культура», Премии Правительства Российской Федерации в области образования и пр. По ее произведениям сняты два полнометражных художественных фильма. В 2007 г. Тамара Крюкова представляла Россию на Международном фестивале «БиблиОбраз».

18 Все цитаты приводятся по изданию Крюкова, Т. Ш.: *Призрак сети*. Москва 2012.

Оба мальчика, как и Маша Некрасова, обладают всеми чертами современного подростка: это проявляется и в речевой характеристике, и в поведении героев, и в круге их интересов. Так, например, у Крюковой говорится о директоре школы:

Дядя Сэм придерживался старомодных правил воспитания. Сигареты и спиртное были для него как красная тряпка для быка. Старшеклассники и те курили тайком и даже на улице после уроков предпочитали не попадаться директору на глаза с банкой пива.

А вот пример диалога героев, в точности передающего речь подростков:

– Слышь, тебя тут никто не боится, – набычившись, сообщил Максим.

– Я что-то не врублюсь. Я что, Годзилла, чтобы меня бояться? – искренне изумился Серега.

– И к Балашовой не клейся, – не обращая внимания на его реплику, с угрозой в голосе продолжал Максим.

– Это к рыженькой? – переспросил Серега.

– К ней самой. Это моя девчонка.

Но в этой книге, затрагивающей более серьезную тему, чем *Сквозняки*, на первый план выходит перевоспитание главного героя. Все события, которыми насыщен сюжет книги, показаны автором через призму Ильи и Сереги, причем эти два героя являются своего рода антиподами. Практически всякий раз достойный поступок Сереги противопоставляется некрасивому, неблагородному поступку Ильи. Серега еще в школе отстаивает свою честь и не боится наказать обидчика, а Илья проявляет трусость и готов даже подставить друга, лишь бы не попасть в переделку.

Попав в прошлое и утратив человеческий облик, Серега, тем не менее, готов к подвигу и полон решимости помочь родине. Илья же сначала пытается извлечь из своего положения максимум выгоды («Казино откроем. Шашки там, шахматы. Карты на бересте нарисуем. И народ просветим, и заработать можно»), а затем только из эгоистических соображений (из желания попасть домой) принимает участие в битве, на самом деле не испытывая ни малейшего желания это делать:

Раньше Илья любил пофантазировать, как совершит героический поступок, и как отец раскается, что считал его трусом и маменькиным сынком. Но теперь он не испытывал радости оттого, что к нему прилип ярлык героя. Это накладывало слишком большие обязательства.

И только в финале в нем происходит некоторое переосмысление и переоценка ценностей. При виде гибели русских воинов в нем рождается готовность сражаться за будущее своей родины.

Но даже после всего этого Илья все еще способен на низкие мысли. Так он говорит о подвиге двойника-русича Ильки, который за время пребывания в 20-м веке спасает ребенка из пожара:

– Гад! – взорвался Илья. – Вот гад!

– Кто?

– Твой любимчик, Илька Кречет. Прикинь, пока мы в тринадцатом веке парились, он тут вместо меня на диванчике полеживал. Ладно бы только это, но ведь он еще с моими руками что-то сделал. Болит жутко, сильно жжет.

Таким образом, героев Крюковой и Левановой вряд ли можно было бы назвать «идеальными». В особенности далек от идеала Илья Кречетов из книги *Призрак сети*. С точки зрения критиков творчества Владислава Крапивина, эти образы имеют неоспоримое преимущество: они намного ближе к реальной жизни. Они максимально с ней связаны, и даже путешествие героев в тот или иной параллельный мир не разрушает этой связи. У Левановой же даже сам «альтернативный» мир приобретает черты нашего, реального.

За этим кроется ряд вопросов. Не закрепится ли в сознании и воображении читателей-детей именно такой пример «героя»? Можно ли апеллировать только к знакомым, привычным реалиям, которые читатели видят вокруг себя изо дня в день, и не понизит ли это для них планку героического? Здесь оказывается прав Крапивин, предостерегавший от окончательной утери этического стержня во внутреннем мире ребенка, которому предстоит стать взрослым.

В этом смысле имеет большое значение авторское решение Крюковой: она наделяет образ своего главного героя внутренним развитием. В конце повести в героя, который едва ли кажется очищенным от низменных мыслей и чувств, что-то сдвигается с мертвой точки. Свою

роль играет и антитеза, которую постоянно проводит автор: Илья – Серега.

Вопрос о том, какими чертами должен обладать положительный герой в детском фантастическом или фэнтезийном произведении, так мощно активизирующем воображение ребенка, остается открытым. Здесь были представлены, по сути, две полярные позиции: «абсолютный» герой Крапивина и «герой *нашего времени*» Левановой и Крюковой.

Детям нужны герои. Каждый ребенок должен хоть однажды увидеть тот пример, на который он смог бы опереться в будущем. Героическое, без сомнения, можно увидеть не только в фантастических, но и в реалистичных образах, но насколько оно будет в них явственно?

Этот вопрос, который остается актуальным не только для литературоведения, в завершение стоит проиллюстрировать словами Владислава Крапивина: «В этом обществе живет страх. Возможно, бессознательный, интуитивный, но страх. Перед тем поколением, которое вырастет и спросит у старших: «Что же вы это сделали с нами, господа? И до чего довели страну!» Не все ведь растут «тинейджерами» и вырастают «крутыми мужчинами», для которых «баксы» и «мерседесы» – смысл бытия. Будут и те, кто спросят»¹⁹.

[51]

19 Цит. по электронному изданию. [www: http://rusf.ru/tc/index.htm](http://rusf.ru/tc/index.htm). Дата последнего посещения 17. 11. 2013.

